

minibo**OK**

**ГЕНРИ ФИЛДИНГ
ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС
ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ**

**ЛУЧШЕЕ
ИЗ АНГЛИЙСКОГО
ЮМОРА**

**Москва
2016**

УДК 821.111-7
ББК 84(4Вел)-7
Л87

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:
Tancha, Meilun, Yaayayo / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Л87 **Лучшее** из английского юмора / Генри Филдинг ; Чарльз Диккенс ; Джером К. Джером ; [пер. с англ. И. Бернштейн, М. Богословской, А. Ливерганта]. — Москва : Эксмо, 2016. — 96 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-90618-5

Юмористические очерки и эссе известных авторов — Г. Филдинга, Ч. Диккенса, Дж. К. Джерома — любимые истории английской королевы, рассказанные классиками. В сборник включены три изящных и остроумных рассказа.

УДК 821.111-7
ББК 84(4Вел)-7

ISBN 978-5-699-90618-5

© Ливергант А., перевод на русский язык, 2016
© Бернштейн И., перевод на русский язык. Наследники, 2016
© Богословская М., перевод на русский язык. Наследники, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Генри Филдинг

ИЗ ЖУРНАЛА «КОВЕНТ-ГАРДЕН»

ПРАВИЛА ДЛЯ КРИТИКОВ

Суббота, 11 января 1752 года, №3

Majores nusquam rhonchi; juvenesque, senesque,
et pueri nasum rhinocerotis liabent.

Марциал¹

Из бумаг, находящихся ныне в моем ведении, следует, что, согласно цензорским проверкам, проведенным *tricesimo quo Eliz.*² одним из моих прославленных предшественников, в городах Лондон и Вестминстер действовало никак не более девятнадцати критиков. При последней же проверке, которую осуществил я сам 25 Geo. 2 di.³, число лиц, претендующих на право принадлежать к сей славной профессии, достигло 276 302 человек.

Сей колоссальный прирост объясняется, на мой взгляд, весьма прискорбной нерадивостью прежних цензоров, которые превратили свою службу в совершеннейшую синекуру и, как мне удалось вы-

¹ Больших насмешников нет нигде: взрослых и старых,
И у мальчишек у всех как носорожьи носы (лат.).

Марциал.

Эпиграммы (кн. 1, 3, 5). Пер. Ф. Петровского.

² В тридцатый год правления Елизаветы (лат.).

³ В двадцать пятый год правления Георга II (лат.).

яснить, не проводили проверок со времен Исаака Бикерстаффа, бывшего цензором в последние годы правления королевы Анны.

Той же халатностью объясняются и посягательства на все прочие слои общества. За последние несколько лет, как выяснилось, число джентльменов существенно возросло, тогда как число шулеров сократилось, причем в той же пропорции.

Свою цель, следовательно, я вижу в том, чтобы попытаться исправить вышеизложенные недостатки и восстановить пошатнувшуюся репутацию той высокой должности, каковую я имею честь занимать. Вместе с тем я отдаю себе отчет, что подобного рода действия должны осуществляться с благоразумием и без спешки, ибо давние, глубоко укоренившиеся пороки никогда не излечиваются средствами сильными и быстродействующими, запоминающимся примером чему может служить благородный император Пертинакс. «Сей достойный муж (пишет Дион Кассий) погиб оттого, что вознамерился разом искоренить все пороки своего государства. Человек высокообразованный, он, однако, не мог взять в толк, что осуществление преобразований одновременно в разных направлениях не только небезопасно, но и невозможно. К нездоровому обществу правило это применимо в той же, если не в большей, степени, что и к частной жизни».

Вот почему я счел неразумным на основании проведенного подсчета подвергнуть число кри-

тиков существенному сокращению. На этот раз я принял всех, кто пожелал вступить в наши ряды, однако впредь делать этого не стану, ибо я вознамерился испытать качества каждого из претендентов на деле.

Дабы всякий, кто считает себя вправе именоваться критиком, мог заранее подготовиться к сему испытанию, считаю необходимым изложить некоторые требования, коим должен соответствовать всякий, пожелавший удостоиться чести быть причастным к сей достойнейшей из профессий. Обязуюсь, однако, следовать приведенному мною правилу со сдержанностью и осмотрительностью, ибо хотел бы распахнуть двери в критическое общество как можно шире, чтобы обеспечить доступ как можно большему числу людей.

Кажется, Квинктилиану принадлежит мысль о том, что хорошим критиком великого поэта может стать лишь тот, кто и сам является великим поэтом. Если эта мысль верна, то число критиков — во всяком случае, критиков поэзии — крайне невелико; в этом случае из древних правом именоваться критиком будут обладать разве что Гораций и Лонгин, о котором, хоть он и не был поэтом, мистер Поуп отозвался весьма лестно:

Тебя, Лонгин, талантливее нет:

Твои — все девять муз; ты — критик и поэт.

Однако при всем уважении к столь великому имени, как Квинктилиан, это правило представ-

ляется мне излишне суровым. С тем же успехом можно было бы сказать, что лишь тот, кто стряпает сам, может по достоинству оценить качество стряпни.

Требовать от критика знаний столь же абсурдно, как требовать от него гениальности. Почему человек в этом случае более, нежели во всех остальных, обязан руководствоваться чьими-то взглядами, кроме своих собственных? Не едим же мы по правилам — отчего же должны мы по правилам читать?! Если мне по вкусу бычья печень или Олдмиксон, с какой стати должен я давиться черепаховым мясом или Свифтом?

А потому из всех навыков человек, именующий себя критиком, владеть обязан только одним — УМЕНИЕМ ЧИТАТЬ, и в этом есть неопровержимая логика, ибо как он в противном случае может называться читателем? Ведь если верно, что каждый читатель — критик, то, стало быть, и всякий, называющий себя критиком, не может не быть читателем.

При этом я требую от критика не только умения читать, ни и применения этого умения на практике. Всякий, кто выскажется о книге до тех пор, ПОКА НЕ ПРОЧТЕТ ИЗ НЕЕ ХОТЯ БЫ ДЕСЯТЬ СТРАНИЦ, навсегда лишится права именоваться критиком.

В-третьих, все критики, которые, начиная с первого февраля следующего года, вознамерятся раскритиковать книгу, должны будут объяснить, чем

они руководствовались. Впредь критик не будет иметь права промямлить что-нибудь вроде: «Даже не знаю, что и сказать... Знаю только, что мне эта книга не по душе...» Его резоны могут быть сколь угодно вздорными, но они должны быть обоснованы. Такие слова, как «чушь», «вздор», «бред», а также «бессвязно», «прискорбно», «постыдно», впредь запрещаются — раз и навсегда.

Запрет этот распространяется, впрочем, лишь на тех критиков, которые не держат свои взгляды при себе, ибо всякий имеет полное право невзлюбить любую книгу, если только он не предает свое мнение огласке. В этом случае он может не прочесть или не понять из нее ни единого слова, а также полностью извратить ее смысл.

Но коль скоро право иметь свое суждение распространяется в критике ничуть не дальше, чем в иных областях, я со всей ответственностью заявляю: в будущем я не позволю исполнять обязанности критика особам мужского пола до той поры, пока они не достигнут восемнадцати лет, ибо до наступления этого возраста им дозволяется принимать решения относительно лишь такого пустячного дела, как женитьба, и только когда им исполняется восемнадцать, закон дает им право распоряжаться своим имуществом. Особ женского пола я, пожалуй, буду принимать несколько раньше, при условии, однако, что они либо умны, либо хороши собой, либо владеют состоянием от пяти тысяч фунтов и выше.

Наряду с мужчинами и женщинами юного возраста из числа критиков будут исключены все люди с ограниченной дееспособностью, к каковым относятся как не правомочные, так и истинные безумцы и идиоты. Сюда входят все те, кто ни при каких условиях не способен отличить добро от зла, правду от лжи, мудрость от глупости.

Есть также отдельные лица, кому я разрешу исполнять обязанности критика лишь частично; так, распутникам, щеголям, шулерам и светским дамам строго-настрого, под угрозой исключения из сообщества, запрещается критиковать любое произведение, написанное на темы религии или морали. Адвокатам, врачам, хирургам и аптекарям строго запрещается высказываться о тех авторах, кто добивается преобразований в праве или в медицине. Государственным чиновникам и будущим государственным чиновникам (за вычетом честных людей), со всеми их подчиненными и прихлебателями, ставленниками и будущими ставленниками, сводниками, шпионами, иждивенцами, доносчиками и агентами, запрещается, также под страхом исключения, высказывать свое мнение о всяком произведении, автор которого стремится принести пользу королевству. Что же до памфлетистов, которые преследуют великую цель либо все высмеять, либо ВСЕМУ НАЙТИ ОБЪЯСНЕНИЕ, то и тем, и другим предоставляется полная свобода; первые могут все ругать и, как водится, проклинать; вторые, сколько им вздумается, — восхвалять и славословить. Все критики, кому это правило по-